

— Господин Мэн, может, не стоит?.. — Сун Хэ потянул Мэн Чэнсю за рукав, отчаянно подавая знаки глазами.

Затем он жестом указал собравшимся на дверь, давая понять, что пора уходить. Гости, мгновенно уловив натянутую обстановку, уже потянулись к выходу, но их остановил ледяной, ядовитый смешок Мэн Чэнсю:

— Куда это вы собрались?

— Чэнсю, ну к чему это... — замялся Сун Хэ, оказавшись в крайне неловком положении.

— Если все уйдут, перед кем устраивать представление?

Эта издевательская, полная презрения фраза заставила Су У оцепенеть. Глаза его широко раскрылись от шока.

Когда Мэн Чэнсю с мрачным, злобным видом шагнул ближе, Су У, сам не понимая, откуда в нём взялись силы, резко оттолкнул его.

А в следующее мгновение — под ошеломлёнными взглядами присутствующих — вlepил Мэн Чэнсю звонкую пощёчину.

— Мать твою! — не сдержавшись, выругался Сун Хэ.

Никто и помыслить не мог, что обычно кроткий, безропотный Су У способен дойти до такой ярости, чтобы поднять руку на человека.

Прочие гости и вовсе застыли в оцепенении: этот тихий, мягкий на вид юноша только что ударил не кого-нибудь, а наследника корпорации Мэн!

Мэн Чэнсю сам не ожидал подобного выпада, а потому на миг опешил. Но уже секунду спустя, ощутив, как горит и наливается багрянцем щека, он процедил сквозь зубы:

— Су У... А ты, я смотрю, совсем страх потерял?

— Куда уж мне до вас, господин Мэн, — в тон ему отозвался Су У. Голос его звучал отстранённо, но в нём сквозила ядовитая ирония. — Устраивать зрелище на публику — это ваше высокое великодушие. Но если решать за других, не спросив их мнения, да ещё и делать скоропалительные выводы... Что ж, господин Мэн, вы действительно заставили меня взглянуть на вас по-новому.

Слова звучали как похвала, но в действительности разили наповал.

Никто не ожидал от Су У подобной дерзости.

Даже Мэн Чэнсю, знавший его столько лет, сжал челюсти и смерил его тяжёлым, налитым злобой взглядом:

— Надо же, каков стал на язык... Не думал, что ты на такое способен.

— Я вовсе не пытаюсь острить. Просто господин Мэн переступил все границы. — Су У поднялся с места и осторожно коснулся подбородка, где всё ещё алел след от сжатых пальцев. — Уже поздно, мне пора. Всего доброго, господин Мэн. Сун Хэ, до встречи.

За один вечер привычное обращение сменилось на холодное «господин Мэн».

Мэн Чэнсю заметил это сразу. Но больше всего его поразило поведение Су У: тот держался безупречно ровно, абсолютно спокойно. В его взгляде читалась лишь досада, но не было ни капли прежней боли или отчаяния.

Что-то здесь не так. Кто-то наплёл ему лишнего? Или Су У и впрямь увлёкся другим мужчиной?

От этой мысли в груди Мэн Чэнсю вспыхнула слепая, жгучая ярость, от которой заныло сердце.

Су У даже не взглянул на него. У самого выхода он остановился, помог подняться парню, сбитому с ног, которого никто из гостей так и не осмелился поднять, и бросил Сун Хэ:

— Отвези его в больницу, пусть врачи осмотрят. А я пойду.

Едва Су У переступил порог, за его спиной раздался оглушительный звон бьющегося стекла и испуганные вскрики.

— За всё в этом заведении плачу я! — бесновался Мэн Чэнсю.

Су У даже не обернулся.

У самого выхода из VIP-зоны его догнал Сун Хэ.

— Су У, прости... — виновато выдохнул он.

Су У мягко улыбнулся:

— Я знаю, ты ни в чём не виноват. Мэн Чэнсю твой друг, я всё понимаю.

Эта великодушная чуткость заставила Сун Хэ сгореть от стыда. Он опустил глаза, не смея встретиться с ним взглядом, и замялся:

— Су У... Ты правда решил с ним развестись?

— Да. Десять лет любить в одни ворота — это слишком утомительно, — спокойно ответил Су У.

С того ракурса, где стоял Сун Хэ, отчётливо виднелась его улыбка — лёгкая, абсолютно свободная от прежнего груза.

Сун Хэ на мгновение оцепенел. В памяти невольно всплыли студенческие годы: липовая аллея Берлинского проспекта в университетском городке, Мэн Чэнсю в спортивном костюме и Су У, шагающий рядом с ним к общежитию.

Сун Хэ тогда шёл вместе с ними. Мэн Чэнсю всегда шагал впереди широким шагом, ни разу не обернувшись и ни капли не заботясь о том, поспевает ли за ним Су У.

Но Су У никогда не роптал. Более того, когда Мэн Чэнсю заболел, Су У, невзирая на проливной дождь, вымокший до нитки, бежал через весь кампус, чтобы принести ему лекарство.

И таких случаев были десятки. Тогда в университете многие завидовали Мэн Чэнсю, получившему такую верную, бескорыстную любовь.

Сун Хэ и сам порой тайно завидовал ему. А узнав об их свадьбе, искренне пожелал им счастья.

Кто же мог подумать, что всё закончится вот так? Десятилетние отношения рухнули в одночасье.

И хотя Мэн Чэнсю все эти годы переходил все границы и ни во что не ставил чувства супруга, Сун Хэ, будучи его другом, не смел лезть не в своё дело.

Но видя, что Су У твёрдо вознамерился оборвать эту связь, он ощутил глубокий шок.

Когда Сун Хэ пришёл в себя, Су У уже исчез в ночи.

Он вернулся в отдельный кабинет. Гости уже разбежались. В разгромленной комнате остался лишь Мэн Чэнсю. Он сидел на диване в полном одиночестве, окружённый мрачной, тяжёлой

аурой, и медленно потягивал бокал красного вина — единственный, который не успел разбить.

Сун Хэ сжался от невольного страха, не понимая, что у того на уме.

Осторожно приблизившись, он попытался разрядить обстановку:

— Генеральный директор Мэн, хватит пить, для здоровья вредно. Да и вообще, это наверняка просто недоразумение. Всего лишь пара снимков...

— Всего лишь снимки? — процедил Мэн Чэнсю с ледяной угрозой. — Сун Хэ, ты с каких пор подпеваешь Су У?

Сун Хэ испуганно замахал руками:

— Да не принимаю я его сторону! Просто... — Он нервно сглотнул и попытался зайти с другой стороны: — В конце концов, ты ведь всё равно ничего к нему не чувствуешь. Развод — это же к лучшему, вздохнёшь свободно.

— То, что у меня нет к нему чувств, ещё не значит, что я позволю ему путаться с другими мужиками! — Мэн Чэнсю перекосило от злобы.

При свете люстры этот обычно холодный, сдержанный мужчина казался настоящим демоном. От его взгляда кровь стыла в жилах.

Сун Хэ мысленно вздохнул: что за чертовщина... Видя, в каком состоянии находится Мэн Чэнсю, он распорядился отправить того домой, а сам остался наводить порядок.

Закончив с делами, Сун Хэ получил звонок с незнакомого номера.

— Брат Хэ, врач сказал, ничего страшного. Спасибо тебе огромное... и тому господину тоже, — раздался в трубке благодарный голос пострадавшего юноши.

— Не за что. Насчёт того господина — не думаю, что ему нужны твои благодарности. Расходы на лечение я уже перевёл, так что отлёживайся дома.

— Хорошо, спасибо, брат Хэ.

Положив трубку, Сун Хэ посмотрел на часы. Было уже поздно. По дороге к машине он закурил.

Вспоминая дикую ярость Мэн Чэнсю и ледяное равнодушие Су У, он внезапно поймал себя на странной мысли: а ведь реакция Чэнсю была совсем не похожа на гнев обманутого мужа. Это

выглядело так, словно его бесила сама мысль о том, что Су У уходит от него.

От этой догадки Сун Хэ даже обжёг пальцы сигаретой и выронил её.

"Бред какой-то... Не может этого быть. С чего бы Мэн Чэнсю любить Су У?"

Если бы любил, разве обращался бы с ним так все эти годы?

Сун Хэ решил, что просто переутомился и даёт волю глупым фантазиям.

Вернувшись в квартиру, Су У первым делом насыпал корма Туаньтуани. Проходя мимо зеркала в прихожей, он случайно бросил взгляд на своё отражение и замер: шрам на шее исчез без следа.

Опомнившись, он быстро размотал бинт. На коже действительно не осталось ни малейшего рубца — гладкая, ровная поверхность. Су У побледнел. Тут он заметил, что его ногти снова заметно отросли, а лицо под светом лампы выглядело неестественно белым, точно натёртым мелом — болезненная, жутковатая бледность.

"Надо бы завтра съездить в больницу", — подумал Су У.

Оставлять это без внимания было нельзя — вдруг в организме произошёл какой-то сбой?

Приняв быстрый душ, он собрался было лечь спать, как вдруг в двери раздался звонок.

Су У подошёл к двери и посмотрел в дверной глазок. На пороге стоял Мэн Чэнсю.

Зачем он припёрся в такой час?

За недоумением последовала осторожность, но Су У всё же отпёр замки.

Едва дверь открылась, как мертвецки пьяный Мэн Чэнсю рухнул вперёд. Су У едва удержал его на ногах.

— Ты чего так долго не открывал?! — недовольно буркнул Мэн Чэнсю, тяжело дыша перегаром.

Су У не ожидал, что после его ухода тот напился до такого состояния.

С трудом дотащив мужчину до гостиной, он усадил его на диван и отправился на кухню готовить антипохмельный отвар.

Когда всё было готово, Су У поднёс пиалу к его губам, но Мэн Чэнсю брезгливо отвернулся:

— Дрянь какая-то... Не буду я это пить!

Пьяный Мэн Чэнсю вёл себя точь-в-точь как капризный ребёнок.

Су У уже видал его в таком виде в первые годы их жизни, так что ничуть не удивился. В самом начале карьеры, когда Мэн Чэнсю приходилось постоянно ходить на деловые ужины и ублажать клиентов, он сплошь и рядом возвращался домой в стельку пьяным, и Су У выхаживал его до самого утра.

Со временем Мэн Чэнсю привык: стоит напиться — и он на автопилоте едет к Су У.

Впрочем, в последние месяцы он больше не появлялся у него под хмельком. Су У грешным делом подумал, что тот избавился от этой привычки.

— Будь умницей, выпей. Он вовсе не горький, — терпеливо, как маленького, стал уговаривать его Су У.

Но Мэн Чэнсю упёрся рогом. С покрасневшими глазами он уставился на него:

— Не буду! И что ты мне сделаешь?

— Ничего я тебе не сделаю. Просто в следующий раз варганить ничего не стану, — ровным тоном отозвался Су У.

Однако Мэн Чэнсю такой ответ не устроил:

— Это ещё почему не станешь?! Собираешься варить его кому-то другому?!

— Зачем ты так цепляешься за этот отвар? Разве у господина Мэн мало людей, готовых сварить ему всё, что угодно?

Мэн Чэнсю, не думая, выпалил:

— У них характер не такой кроткий, как у тебя! К тому же... Ты ведь меня любишь! Раз любишь, значит, обязан обо мне заботиться!

Пальцы Су У сжались на фарфоровой пиале так, что побелели костяшки.

— Значит, раз я тебя люблю, то заботиться о тебе — это нечто само собой разумеющееся?

Мэн Чэнсю был пьян, но ядовитости в его языке от этого не убавилось:

— А разве нет? Раньше на каждом углу твердил, что твоя любовь вечна и никогда не изменится. И что теперь? Передумал?

— Мэн Чэнсю, я не менялся. Это ты остался прежним. Ты крутишь романы на стороне, никогда не считаешься с моим мнением, а теперь оскорбляешь меня, прикрываясь сомнениями в моих чувствах. Так кто из нас изменился?

Голос Су У звучал твёрдо. Но алкоголь так ударил Мэн Чэнсю в голову, что тот даже не вникал в смысл сказанного:

— Сам виноват! Нечего было влюбляться в меня!

— Верно... — На миг Су У потерял дар речи, ошеломлённо глядя на него. На секунду он искренне усомнился в собственном рассудке: за что, ну за что он любил этого человека?

Но услышав очередную порцию унижений, Су У окончательно отрезал для себя путь назад. Он больше не намеревался проявлять милосердие.

Подхватив Мэн Чэнсю под мышки, он рывком поднял его с дивана.

Тот ничего не понял:

— Ты чего... Хочешь помочь мне дойти до душа? Я не пойду, я...

Он не успел договорить — Су У с неожиданной, невероятной силой выставил его за дверь.

Когда на него обрушился ночной сквозняк, Мэн Чэнсю хмелел лишь наполовину.

Опомнившись, он сгорал от стыда и ярости, колотя кулаком в закрытое полотно:

— Су У! Ты совсем обнаглел?! Выставил меня за дверь! Думаешь, я не вижу, что ты просто испугался моих слов, потому что совесть нечиста?!

Находясь по ту сторону двери, Су У подхватил на руки Туаньтуаня и ушёл в спальню. Достав

телефон, он набрал номер Сун Хэ:

— Он пьян, устроил скандал у меня под дверью. Забери его.

Услышав среди ночи этот звонок и поняв всю суматоху, Сун Хэ почувствовал, как у него отнимается голова.

— Невестка... Э-э, Су У, как он вообще у тебя оказался?

— Без понятия. Напился. И пожалуйста, не называй меня больше невесткой.

По тону Су У Сун Хэ понял: эти двое снова сцепились в пух и прах.

Положив трубку и отключив телефон, Су У прижал к себе кота и лёг спать. О Мэн Чэнсю он больше не думал.

Он не знал, когда именно Сун Хэ забрал пьяного дебошира. Проснувшись на следующее утро и открыв дверь, Су У обнаружил, что площадка перед квартирой пуста.

Он спустился в ближайший супермаркет за продуктами, а вернувшись домой, случайно взглянул в зеркало и обомлел: за одну ночь его волосы выросли едва ли не вдвое! Прежде они едва закрывали уши, а теперь спадали почти до самых плеч.

Справившись с шоком, он записался на приём к врачу и насыпал Туаньтуани свежего корма.

Однако не успел он проехать и половины пути до клиники, как на экране телефона высветилось имя старшего брата — Су Ляня.

Су У ответил на звонок, и из динамика тут же раздался сухой, назидательный голос:

— Я слышал, ты собрался разводиться с Мэн Чэнсю? Мужчинам свойственно проявлять ветреность, это вполне естественно. Раньше ты ведь как-то с этим мирился?

<http://bllate.org/book/20050/1991195>